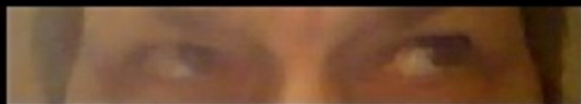

Олег Ока

Пилигрим

Олег Ока

Пилигрим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187382

ISBN 9785449064172

Аннотация

Человек приходит в себя в незнакомой квартире, забыв о себе всё. Случай сводит его с семьёй странных людей и их дочь. Постепенно выясняется, что он не принадлежит нашему миру...

Содержание

глава 1	5
1	6
2	18
3	32
4	45
5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пилигрим

Олег Ока

– *«Я очень удивлюсь, если умру»*

© Олег Ока, 2018

ISBN 978-5-4490-6417-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

глава 1

Множество хороших и плохих книг начинают свой рассказ с пробуждения главного героя. Герой обычно просыпается после тяжёлого сна, вызванного каким-то болезненным состоянием, и часто не понимает, кто он такой, где он находится, как сюда попал и по какой причине. Но первое состояние растерянности быстро проходит, – на то он и герой! – сменяется приступом бурной деятельности и показывает отличную приспособляемость человека к экстремальным ситуациям. Герой быстро разбирается в обстановке, обычно очень запутанной, кризисной, и решительно наводит порядок в своём доме и заодно в стане врага.

Наиболее впечатляющая из подобных книг, на мой вкус, «Когда спящий проснётся» Герберта Уэллса (В другом переводе «Спящий пробуждается»). Правда, великий писатель отошёл от канона, и в начале книги рассказывает нам о своём герое, немного, но достаточно, чтобы вызвать симпатию и сочувствие. Другие подобные книги тоже долго вспоминать не надо – «Хроники Амбера» Роджера Желязны и «День триффидов» Джона Уиндема.

Для чего это делается? Зачем писателям необходимо повергать героя в пучину сна, чтобы вернуть его в уже какую-то дикую реальность? Может быть просто помещать героя в какую-то сложную, выпадающую из реальности действитель-

ность обычным, обычным жизненным способом слишком хлопотно, требует времени, места и фантазии, и сон с перемещением в пространстве более рационален для таких действий, и не требует описания, как не интересующая читателя (и писателя) процедура? Вспомните, сколько труда и времени понадобилось героям «Путешествия к центру Земли» или «Плутонии», чтобы добраться до места основного действия романа об их приключениях? Это рассуждение подвигнуло и меня прибегнуть к этой методике. А без словоблудия, назовём это просто – лень. (Лень уменьшает энтропию мироздания!)...

...Он лежал на животе, подтянув ногу, и его щека прилипла к чему-то твёрдому и гладкому. Не полированному, а чуть шероховатому, и это не был металл или бетон, вытягивающий из тела тепло и жизнь. Скорее какой-то пластик, или может быть живой обделочный камень...

– Я себя не помню, – была его первая мысль, и дальше, – Долго я здесь валяюсь?

Действительно, он не мог вспомнить о себе абсолютно ничего. По крайней мере слово «амнезия» он помнил, и значит, потеря памяти касалась только его личности, была рефлексивной и фрагментарной. Это должно восстанавливаться.

Он не слышал никаких ориентировочных звуков, только неясный звуковой фон, как реликтовое излучение космоса, ничего не содержащее, никакой конкретной информации о сущности и прошлом не несущее.

– Не залежался я здесь? Наверное, пора и честь знать, и убираться подобру-поздорову... Куда? Это вопрос. Но прежде – где я? (Вопрос «КТО Я?» его пока не волновал, само-же существование не вызывало вопросов – раз думает, значит – есть!)

Даже воображение отказывалось ему помочь и подсказать варианты, только почему-то всплыла в памяти обстановка «Дневника, найдённого в ванне» Станислава Лема. Длинные пыльные коридоры, пустые анфилады комнат, лестничные клетки, канцелярские шкафы, и нелепые арлекинские маски белого, известкового цвета. Он даже не обратил внимание на самостоятельно всплывшего Станислава Лема – это была совершенно обычная ассоциация, никак не связанная с отсутствием ощущений и внешних раздражителей.

– Долго я здесь (где-бы это ни было) нахожусь?

Он медленно открыл глаза, готовый увидеть бенгальского тигра, квантовую флюктуацию или жулика из теле-шоу «Битва экстрасенсов»...

Он лежал на кафельном полу обычной в городской квартире совмещённой ванной комнате. Поведя глазами, он увидел над собой обычную ванну, замаскированную пластиковыми панелями с кораллами, морскими звёздами и дельфинами. Прямо перед собой он обнаружил низ стиральной машинки-автомата и дальше к двери розовый, необычной формы унитаз. Дверь в квартиру была приоткрыта.

– Что-ж, Френсис Бэкон учил опираться на факты, как

руководство к действиям. Нет фактов, нет стимула. Но само отсутствие фактов есть руководство к их отысканию. Что сказал-бы на это мэтр Бэкон? Выходит, что отсутствие фактов, как и их присутствие ничего не меняют в результате воздействия. Надо шевелиться. Два главных вопроса – Кто я? И где я? Первый вопрос можно осветить – по виду – по одежде – по содержимому карманов – по содержимому мозгов, ну и по каким-то артефактам, возможно, присутствующим в этом пристанище. Ответ на второй вопрос написан на адресной табличке, что висит на углу дома...

Он сделал попытку бодро подняться, и удивился тщетности попытки и слабости членов. Похоже было, что они довольно продолжительное время не получали подпитки энергией, в виде бифштексов и котлет. Колени подгибались, руки сами собой опёрлись о крышку стиральной машинки. Окружающее колыхалось и теряло стабильность.

– Сколько-же я здесь нахожусь, – с неожиданным испугом вспыхнула всё та-же мысль. – Зеркало! – он помнил, что такое зеркало, это ему понравилось гораздо больше, чем память о польском философе. – Надо оценить личность... Без страха и непредвзято, больше объективности, ибо это залог успеха всего предприятия.

Зеркало висело напротив, на дверце шкафчика умывальника, и он с опаской заглянул в него. Ему не понравилось костлявое лицо с торчащими скулами и ушами, с резко очерченной челюстью, почти чёрной щетиной, выглядящей пря-

мо неприлично, лет... между тридцатью пятью и сорока пятью... Он походил на Александра Селькирка после второго месяца его эпопеи. Не зря он опасался посмотреть в лицо действительности, выглядело оно отвратительно.

– Неделя? Две? Две недели без сознания, это... того... возможен летальный исход. Хотя, человек ко всему привыкает... Питаться светом, воздухом, духом... А это что? Причина подобного дикого состояния? – на правой скуле, между виском и ухом, зияла длинная рана, как от удара чем-то (когтем? большим, изогнутым, чёрным...) ... или обо что-то... и давно – рана была засохшая, с шелушащимися чешуйками крови. Он поискал глазами, следов на предметах не нашёл. Значит, всё-таки ударили (когтем! как в «Парке Юрского периода»). Или ударился где-то обо что-то, хотел смыть кровь с раны и... отключился. Возможный вариант.

Он оглядел себя, насколько позволяло зеркало. Худой, причёске лет двадцать, такая безобразная копна! Не по последней моде, случайно? Из расстёгнутого ворота клетчатой рубашки торчат ключицы, – следы недоедания. Но одет аккуратно: серые брюки, немнущиеся, нестарые. Обут в черные спортивные ботинки хорошей фирмы. Что-же здесь произошло?

Мозги вдруг обожгла идиотская мысль из когда-то где-то виденного фильма – его подставили! За дверью, в прихожей лежит длинноногий труп неземной красавицы, а по лестнице уже поднимаются бойцы невидимого фронта. И на кинжале

следы его пальчиков...

Не было там никакого трупа, ни красавицы из высшего света, ни зализанного и занюханного дворецкого, ни дяди-миллиардера. И вообще в квартире отсутствовали следы какой-то жизни, всё было пусто, пыльно и... пусто. Гигантский встроенный шкаф в прихожке, прячущийся за зеркальными сдвижными створками, зиял пустотой, сломанным женским зонтиком, стоптанными тапками и старыми осенними сапогами, неплохими, но уже вышедшими в отставку. В спальне сиротски тосковала обширная кровать, застланная шёлковым бельём, скользким и противным на ощупь, похоже, дорогим, какое мужчина никогда использовать не будет. В прикроватной тумбочке коробка с плюшевым алым нутром и набором неплохой бижутерии. Оставленной – почему? Забытой в спешке отъезда?

Не интересовало его всё это. Никак оно не вело его к ответам на поставленные вопросы. И чувствовал он, что не имеет к этому одинокому великолепию никакого отношения. На большой – больше спальни – кухне в углу у холодильника висел телевизор, ЖК, большой, зеркально-чёрный, незнакомой марки, и, видимо, ввиду отъезда, отключенный от сети. Вот холодильник вызвал в нём ностальгию по куску колбасы, но в его ледяном нутре кроме высушенной луковицы, морщинистой морковки и каких-то зелёных фармацевтических склянок, не имелось ничего. Его немного привело в чувство пол-коробки печенья, высохшего, но съедобного. Гры-

зя галеты, он ещё раз оглядел обстановку. Здесь явно жила не старая, претенциозная женщина; мебель и техника были тщательно выбраны из ассортимента «средний достаток». На подвесных кухонных шкафчиках под потолком – пластмассовые кашпо под белый мрамор, с растениями, похожими на ту морковку. Значит?

Да ничего это не значит! Хозяйка решила жить с родителями, а квартиру сдать, ввиду небольшого финансового кризиса... Ву-а-ля! И скоро сюда явится Гиви, или Биджо, или Аристарх, и будет здесь заколачивать бабки, одновременно вкушая от страсти красавицы Грузии знойной... А ему самому не плохо свалить отсюда, и чем скорее, тем лучше. Как, зачем, и почему – будем думать в дальнейшем и в другом, более уютном месте.

Он задумчиво подошёл к диванному столику, здесь лежала чёрная книжка в искусственной коже, «Библия», он задумчиво открыл её, не глядя, в этот момент его вдруг заинтересовал пейзаж за окном, спрятанным в тяжёлых огненных шторах. Держа книгу в руке, он раздвинул шторы, увидел обычный осенний (как вариант – весенний) пейзаж а-ля «Нескончаемый дождь» Рея Бредбери, современные коробки, радующие Малевича жёлто-синими квадратами раскраски, недавно посаженные палочки будущих вязов между привязанными штaketинами, синюю узбечку с метлой и совком на длинной палке, стало ещё тоскливее. Присев на диван, он уставился в разворот страниц, сначала не видя, пробежал

стихи, потом стал читать. Медленно, заворожённо;

– «... 19 Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном...

21 Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду.

22 А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...

27 Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну...

33 Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

34 А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;

35 ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

36 ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

37 Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

38 Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

39 А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;...

42 Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

43 Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

44 А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

45 да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

46 Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?...

48 Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.» (от Матфея, гл.5)

Потом он снова перечитал, но уже глаза его выделяли строки и стихи, и выделенное проникало в душу, как будто становилось органичной частью души, впечатывалось в структуру, и всё наносное, что беспокоило его после возвращения в реальность – становилось призрачным, не стоящим времени и внимания...

– Хорошо написал, Матфей, от Бога... Но почему это имя зацепилось в сознании и потащило за собой череду образов? Откуда это? Или это ключ к возвращению? Не важно, откуда, главное – здесь. Похоже, я имею какое-то отношение к этому имени. Матвей... Нет, всё висит в воздухе и нет продолжения, но оно будет...

На вешалке справа от двери в санузел висела чёрная кожанная куртка, явно подходящего размера, он надел её, остался удовлетворён опытом, полез по карманам. Пачка сигарет «Ротманс» с тремя сигаретками, тонкие, «лёгкие» ... зажигалка красная с надписью «Магнит». Во внутреннем кармане портмоне... Три тысячи семьсот рублей... На календарике со схемой метро записаны два телефонных номера, один обозначен – «Теле», другой – «Билайн-интернет». Телефона в карманах не было. Был ещё носовой платок, не старый, аккуратно сложенный, и банковская карточка, Сбербанк. Ни ключей, ни телефона... Ничего приметного, дающего надежду.

Здесь он был чужим, и надо было уходить, пока его не обнаружили работники МЖК, на возможные вопросы ему отвечать было нечего. Уходить в дождь, городской холод, сутолоку и одиночество...

Но сначала он снова прошёл в ванную, осторожно прокрутил краник, потекла вода, и даже тёплая, и он усмехнулся своим непонятным опасениям – он был в обычной объективной реальности, никакой чертовщины не предвиделось,

всё было обыденно и непонятно. Осторожно он стал мокрыми пальцами увлажнять ранку на виске, смывать давно запёкшиеся чешуйки крови, и наконец обнаружил, что с виду не так и страшно, как можно было представить, ранка начала затягиваться, гематом не было, кожа чистая, вот побриться-бы ещё... Вздохнув, он вышел в прихожую, задумчиво посмотрел на пустую замочную скважину, уходить, оставив дверь открытой, казалось ему неправильным, некультурным... Что за ерунда приходит в голову! И он решительно вышел за дверь. Недлинный, тускло освещённый коридорчик салатовой расцветки, куда выходили ещё две двери, лестничная площадка, не тесная, современная, с просторными лестничными пролётами... Да, это новостройка, строят сейчас красиво, но недолговечно... А на улице лил дождик, круги и пузыри плясали в лужах, порывами налетал ветер. Тучи... Он никак не мог определиться с временем года... Октябрь? Апрель? Смешно. Ещё спроси, который год на дворе... А в самом деле...? Судя по отсутствию жёлтых листьев на газонах, скорее всё-таки весна, и это хорошо, скоро будет лето... Он вспомнил, что ненавидит зиму, кучи тяжёлой одежды, вечно сырые ноги, пар и влажность в общественном транспорте, руки, прилипающие к карманам...

Он дошёл до угла дома, увидел проходящее шоссе, торчала автобусная остановка, современная, стандартная, из пластика, там можно было укрыться от дождя. Там он мог узнать, где находится. Расписание было для автобуса №210.

Он не знал такого маршрута, но на расписании были обозначены и конечные остановки. «Юнтолово» ... это... Это где-то на северо-западе, на Выборгском направлении, рядом с Ольгино. Что он мог здесь делать, было для него загадкой. «Чёрная речка»... Сейчас у него не было в том районе знакомых... или он не помнил о них. В любом случае надо было ехать, в центре города виднее будет, что делать дальше... И там никого не интересует, что он здесь делает. В городе никого не интересуют люди, толпящиеся вокруг, наступающие на ноги, толкающие в спину при посадке в метро, заглядывающие через плечо в твой телефон...

Мужичок сидел на бетонном парапете и с видимым интересом смотрел на приближающегося Матвея. Выглядел он, как пугало огородное, в натянутой по уши вязанной шапочке непонятного тёмного цвета, синей рабочей куртке на два размера больше требуемого, такие-же штаны красовались в низу тела, и разбитые кроссовки дополняли образ. Таких людей по стране разбросано миллионы, это просто люди, живущие настоящим моментом, одетые в униформу, не имеющие ничего. И как потерявшие всё, что должно быть у человека, неисправимые, фатальные оптимисты.

«Лучшим доказательством ничтожества жизни являются примеры, приводимые в доказательство её величия.» – приветствовал он подошедшего цитатой Кьеркегора.

«Бетонными аргументами вымощена дорога лжи.» – ответил Матвей, ища глазами, куда-бы присесть. Он удивился, увидев выглянувшую из-под руки человека остренькую мордочку лохматой собачонки интересной – пятнами – рыже-бело-чёрной расцветки. Глазки собачонки дружелюбно оглядели его, не задерживаясь на карманах, она проворчала что-то одобрителное и снова спряталась под полу куртки друга.

– Молодец, – сказал мужик, глядя бесцветными, тоже с хитрой рыжиной, глазами. – Соображаешь. Кто сказал?

– Не помню, – небрежно ответил Матвей. – Пусть будет я. Только с Камю я не согласен. Как и с Кьеркегором. Жить надо. Не нами дано, не нам отрицать.

– Только нам-ли дано? Или кому другому, а мы, как инсургенты, незаконно владеем?

– Хорошо, раз об абсурде заговорили, вспомни Камю – «Полная самоотдача и забвение себя.»...

Помолчали. Потом собеседник достал пачку сигарет «NZ», протянул Матвею, и тот вдруг с ужасом ощутил, как ему хочется курить. Дрожащими пальцами, стараясь аккуратно, достал сигарету, пошевелил пальцем, изображая, будто щёлкает зажигалкой, погрузил кончик в поднесённый огонёк, затянулся горьким дымом до головокружения, невнятно промычал слово благодарности.

– Меня звать Гера. Это ты о себе сказал – «забвение себя»? Фигура речи?

– Гера, это от – Герасим?

– Нет. И не от Геры, жены Зевса. Балбесы так слышат «Георгий», Жорж, по-старому.

– А ты что-ж, всерьёз полагаешь, что жизнь не стоит того, чтобы жить?

– Это вопрос относительный. И субъективный. Когда тебе двадцать-тридцать, и впереди вечность, конечно, это бесценно в полном смысле, сопоставить-то не с чем. Единственное у этой штуки неправильное, как Воланд подметил – всё это имеет нехорошую особенность внезапно прекращаться.

И чего тогда все сокровища?

– Это субъективно. Для того бедняги уже всё-равно, но если дышишь, и привык это делать часто, как-то неохота отвыкать. Как с курением. Все говорят, что это вредно. Но ведь нравится, иначе не курили-бы. А про забвение – да. Это я.

– «Люди выдумали науку, чтобы скрыть свой страх перед природой.» Есть хочешь? Да и согреться тебе не мешает, под дождём в мокрой обуви – самая болезнь. Только пройтись немного придётся. Здесь недалеко, за Балтийским вокзалом...

– У меня есть деньги...

– Это хорошо! – Гера с интересом посмотрел на Матвея. – Так давай зайдём сюда, в «Ленту», купим чего-нибудь к кофе. Кстати, и кофе у меня кончился. Дня три назад... А на интернет мне не положишь? Хотя-бы пару сотен?

– У тебя есть комп? – удивился Матвей. – По виду не скажешь.

– По статусу, ты хочешь сказать? – Гера не обиделся, шёл рядом, размахивая руками. – Нет, не комп, нашёл как-то в зале ожидания планшет, старенький, незаблокированный. Сдавать в полицию? Я на такие вещи смотрю просто – «Бог дал.», а от Божьих даров отказываться нельзя. Конечно, там сплошное враньё, в интернете, но я его вижу, это просто. А вот прогноз погоды – пока правда. Насколько возможно, конечно...

– Ты можешь различать ложь?

– Не ложь, как данность, а враньё в СМИ. Это на самом деле нетрудно. Смотришь, кому данная информация выгодна, и ради чего её сливают. Тут враньё само вылезает. А иногда это дозированная правда... Я «бизе» люблю, – смущаясь, сказал Гера, когда они проходили мимо кондитерских стеллажей. – Забыл уже вкус...

В гигантском зале универмага могло-бы поместиться здание Балтийского вокзала, но в отличие от вокзала, здесь было тепло и уютно. Между высокими стеллажами ходили толпы покупателей, толкали перед собой тележки для товаров. Матвей с блаженством чувствовал тепло, проникающее под сырую куртку, ботинки тоже промокли, но с этим ничего не поделаешь, оставалось надеяться, что ожидаемое гостеприимство Геры позволит просушиться и подумать о будущем. И он чувствовал озноб, по телу иногда пробежала дрожь, похоже на простуду, только этого не хватало!

– Здесь есть аптека? Похоже, приболел я. Надо какое-то лекарство, ты в них разбираешься? Говорят, водка с перцем помогает?

– Враньё! Расхожая мифология. Вот в баньке попариться, другое дело, но нету. Да и сердце здорово тратится. А водку я не пью. В смысле, совсем не пьющий.

Услышав это, Матвей взглянул на нового знакомого уже с интересом и симпатией. Сам он, откровенно говоря, решил, что Гера связался с ним, именно рассчитывая на выпивку... и теперь испытал облегчение, всё упрощалось.

Люди двигались мимо, сосредоточенно глядя на полки с товарами, будто решали кроссворды, что-то брали в руки, разглядывали этикетки, ставили обратно, или ложили в свои корзинки, они были серьёзны, словно делали главный выбор в жизни, чтобы через пару дней снова придти сюда, как в главный храм своей жизни, им это было важно, это составляло один из смыслов существования, здесь не было места шутовству, лёгкости, иронии...

– Возьми Дарье что-то вкусное, – сказал Матвей сквозь пелену, застилающую сознание, собачка осталась сидеть снаружи, у автоматических стеклянных дверей, глядя внутрь в ожидании друга, от дверей дуло тёплым ветром, ей не было холодно, только временами надо было отодвигаться в сторону, чтобы не затоптали спешащие люди, её глаза не отрывались от дверей, и на мордочке было написано терпение.

– Всё хорошее имеет конец, – сказал наконец Гера, когда корзинка стала ощутимо оттягивать руку. – Надо подумать, не забыли чего...

– Аптека, – напомнил Матвей, и Гера внимательно посмотрел на него.

– А ты, кажется, серьёзно попал... Надо лечиться. А у меня условия... Ладно, пойдём...

На кассе народу было не очень много, они расплатились, и Матвей с удивлением почувствовал облегчение кошелька. Всё-таки интересное явление – деньги, эквивалент труда, эквивалент товара... Эквивалент здоровья и жизни...

Провизор за аптечным стеклом совсем не ассоциировалась с жизнью, а тем более со здоровьем...

– Что-нибудь от простуды ... – тяжело проговорил Матвей. – Таблетки, порошки, антибиотики, ... не знаю.

– Семьсот рублей, в порошках, будешь брать? ... – ей это было всё-равно.

– Подожди, подожди, не гони. Ты наши аналоги давай, чего ты эту химию суёшь? – встрял неожиданно Гера. – Диклофенак давай, пару упаковок, флуконазол, азитромицин, ну, и вот эту – антигриппин, пять порошков...

– За ними глаз да глаз нужен, всё стараются, что подороже, сунуть! А разница на порядок, а пользы ноль, только подсластителей намешано, это знать надо, они за это премию имеют, от перекупщиков, хорошо в интернете списки аналогов публикуют, представляешь, заграничные порошки – шестьсот, наши таблетки – тридцать, а действие одно и то же... Хоть какая польза от интернета, а не знаючи и сдохнуть недолго, никаких денег не хватит. Вот пенсионеры, кто с интернетом не дружит, ведь не едят, всю пенсию отдают за эти микстуры заграничные, а аптекари разве подскажут? Да за это сразу на улице окажутся. Цивилизация! Спекулянты чёртовы миллионы делают на заграниче, вместо того, чтобы наше развивать. А зачем? Там они валюту получают, а здесь? Тридцать рублей?

Дарья у дверей встретила их танцем на задних лапках, и прокрутилась юлой пару раз, выказывая восторг.

– Что, собачкина дочь? Пойдём домой, вкусного тебе взяли, праздник живота у тебя сегодня, Дарька... Гостю нашему спасибо скажи... Вот подлечить-бы его ещё.

Мимо мокрого серого Балтийского вокзала они прошли Библиотечным переулком, Матвей предвкушал тепло, прилечь на что-то сухое, скинуть стылые, обжигающие ботинки, мокрые носки, впитать тепло... Они вышли на набережную Обводного канала, пошли навстречу ветру и секущему дождю.

– Здесь уже рядом. Только старайся держаться прямо, не дай Бог, подумают – пьяный, этого нельзя, подвести можем людей. Люди здесь нам навстречу идут, и стоит это дешёво, литр-два в месяц, понимают люди, что нельзя человеку на улице, да в такую мерзкую слякоть.

Матвей ничего не понимал, но уже не удивлялся, верил, что скоро всё будет хорошо, как надо.

– Слышал, наверное – «Красный треугольник»? Вся страна слышала, все в их обувке ходили, и дешёво, и надёжно, и хорошо. А теперь нет ничего. Говорят, признан банкротом, а я думаю – дешевле с Китая да с Европы возить обувь, чем свою делать... И голова за производство не болит... А такой завод был. Сейчас только один корпус арендаторы снимают, тоже спекулянты какие-то. Остальное всё пустое стоит, а свет и отопление есть... Охрана здесь не строгая, входят в положение... Если не хулиганить, конечно, и не высываться. Так что, мы сейчас быстренько и незаметно про-

шмыгнём, и всё будет в порядке. Ванной у меня, конечно, нет, но помыться можно будет... Хотя, какая тебе помывка в твоём здоровье! Главное – тепло, плитка есть, сейчас кофе горячего, хотя, тебе лучше-бы какао, кажется, ещё есть немного, и молока мы взяли...

Гера оглянулся, приоткрыл дверь, и они ввалились в тёмный тамбур, под ногами, задрав голову, ждала собачка. Гера повозился в темноте, видимо отпирая какой-то секретный запор, скрипнула дверь, они прошли в темноту, и дверь снова была заперта. Здесь было потеплее и пробивался свет.

– Пойдём вниз, в полуподвал, там безопаснее и меньше вероятность, что кто-то нагрянет – здесь иногда пожарники бродят, на предмет возгораний, и таких, как я, гоняют, и откупиться от них нечем. Но на той неделе были, теперь должны не скоро объявиться...

– Миллениалы, центениалы, зоопарк развели, зато удобно, вроде как на тебе нет ответственности, всё – прогресс...

– Это ты о чём? – борясь с залипанием век и опускающимся сном после сытного ужина, Матвей уже совсем плохо соображал.

– Терминов напридумывали, интернет, эта помойка, ладно, вседозволенность и анонимность, так ещё и язык поганят, чтобы сбивать с мысли. Все эти посты, чаты, словечки поганные – «школота», «годнота», «сисадмины», и это ещё ягодки... Такое сказанут, бывает, а ты голову ломай, то ли что умное сказал, то ли послал тебя на речку Матёру...

Мне осталось жить немного, и я имею право сказать: — люди не меняются, меняются технологии. Как Володька пел, царство ему небесное: — Если, говорит, тупой, как дерево, и в новой жизни родишься баобабом, хоть ты блогер благой, хоть сисандминтон, хоть кто, не имеет различия. Вот только на днях прочитал из сочинилки одного наисовременнейшего «властителя дум», из тех, что писателями себя кличут, это мода сейчас такая, как в киноиндустрии, снялась шкурка в мутном сериальчике мыльном, а уже — звезда! И даже более того — она уже «светская львица»! А львица эта только пол-года назад бормотуху по подъездам сосала, и заодно уже ещё что-то там сосала, что подсунут, а теперь она «львица» и сосёт стоимостью в миллионы...

— Гера, — чуть не простонал Матвей, — я уследить за мыслями твоими не в состоянии. О чём ты говоришь?

— О чём? А вот послушай: — Аркадий МАРАКОВ, «писатель» из Воронежа такие слова пишет, литература называется — «Ну, материя, — пусть будет материя, это я понимаю, сукно одним словом, а как тогда быть с нечистой силой? Молчишь. А я сатану в глаза видел, вот так же, как тебя — напротив. Не смиись, не смиись, — вы все такие. А я, после того случая, чуть ног не лишился, спасибо — моя баба спасла, а то бы хана была... Нечистый, как посмотрел на меня, так я и захолонул весь. Он с лица то чёрный, а глаза..., как, ну, как это сказать?.. Ну, как две сигарки — дед сунул мне под нос свою обсосанную самокрутку. Я что-то стал ему возражать,

и предложил выпить ещё...". И это РОССИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ, так его газетёнка Союза писателей России рекомендовала. Российские писатели были, помнится, Есенин, Шолохов, Булгаков, Ефремов, хотя этого я не понимал, но «Час Быка» он выдал здорово, вот только коммунисты, видно, ещё больше меня его не поняли... Не смейся... Тьфу на этого писателя! А вот чего я хотел сказать, что вот такие писатели, и заодно интернет этот проклятый, это ведь не прогресс, это наоборот, регресс, духовное обнищание, и страна наша полностью, сверху донизу – тому пример. Только то, что сверху – оно виднее, а значит, лицо наше, «идея национальная»! А получается, мурло натуральное...

В помещении становилось сумрачно, сквозь грязные шторы проникало всё меньше света, и в глазах Матвея колыхалось непонятное, чадное облако :

– Дай сигаретку, Гера, только прикури, – язык еле шевелился, стал толстым и неповоротливым. – Я покурю немного, и, кажется, отключусь на какое-то время. А ты продолжай, тебя слушать хорошо, мозги тяжелеют, успокаиваются, хоть и говоришь непонятно чего...

– Что-ж, слушай, раз успокаивает. Вот постоянно нам вдалбливают, рост ВПК, интенсификация, стабилизация... Прогресс, в общем, идёт и набирает обороты. Только вот какой-же это прогресс, если всё добиваемся стабилизации, а оно всё никак, на словах только. В Европе, да, прогресс, всё какие-то новшества, какие-то законы принимают – работа-

ющие законы! А у нас, что ни закон – для ради латания дырок в бюджете. И законы эти курям на смех, ни один не работает. А зато вот как инициативу какую скандальную пропихать – так всем миром поднимаются, вплоть до президентского аппарата и патриотов всея Руси! С фильмами этими анекдоты, будто других проблем нету! А я вот что скажу, если государство нацелено сохранить то, что было, это не прогресс, это регресс и стагнация! С космосом вот смех и грех, ведь впереди планеты всей семимильными шагами! Не семикилометровыми, заметь, а семимильными! Это чтоб запад понимал и боялся. А сейчас? Перед частниками-аферистами заграничными пасуем! Это прогресс? Да никому это уже не нужно. Вот стабильность им нужна, это да, только на это и молятся, чтоб всё тихо и как прежде, никаких переворотов, никаких революций. Дожить хотят до звёздного часа своего, это когда от страны камня на камне не останется. Вот тогда вздохнут отдохновённо, ... Думаешь, долго это продержится? А давай на спор – только эта администрация трон освободит, так следующая белый флаг выкинет. Потому что кроме страны ничего уже не останется, и придёт время территорию делить и продавать. Это уже началось, только глаза умело замазывают скандалами разными, валютой этой виртуальной, проститутками, в президенты рвущимися, шаманами, теледраками, кто кого оттрахал, и кто после этого родился... Ан, оказывается, кто может от двух мужиков родиться?

И власть новая разгонит весь институт государственный, и порвут страну на куски, потому-что так продавать сподручнее. Слышь, Матюха? Оглянуться не успеем, треть страны под Китаем, треть – под Японией, а треть под Абрамовичем каким, который сдаёт её в аренду, кому не лень...

– А народ? – с натугой поинтересовался Матвей.

– Наро-о-од? А народу в лучшем случае повезёт под интервентом оказаться. Ведь мир уже не тот, что было сто лет назад, сейчас за всем мировое мнение следит. И права аборигенов уважает. Придёт цивилизованный хозяин, он за своим скотом ухаживать будет, кормить, игрушки разные подсовывать... Тёплая постелька, крыша, калории на обед. Хозяин думает о хозяйстве, это временщикам наплевать на всё... Они ведь рассчитывают расхапать последнее, и исчезнуть в иностранной дали, где пляжи и виллы. А страну отдадут криминалитету. Нет предела человеческой глупости: это одна из бесконечных вещей, на которые у людей всегда найдётся и время и вдохновение. Маврикийского дронга, или додо (*Raphus cucullatus*), неизменно считают символом двух явлений: мертвости и глупости.

– Дай... сигарету...

От вкуса никотина стало ещё противнее, вспыхивали круги, тошнота подступала к горлу. Матвей пощупал рядом, ощутил колкость грубого одеяла и завалился на бок, не выпуская сигареты...

– Я полежу немного... Холодно... Сыро, – пробормотал

он, и с благодарностью ощутил упавшую сверху теплоту ещё одного одеяла. Гера стягивал с ног ботинки, снимал мокрые носки, осторожно забрал из пальцев сигарету... Матвей не отключился, витал где-то между мирами и через пелену дрёмы слушал объяснения :

– Физики для объяснения нашего простого, трёх-мерного пространства используют математику десяти измерений. Так им проще, а иначе их гипотезы не совпадают с наблюдениями, вникаешь? А пространство, тем паче десяти-мерное, имеет свойство прогибаться, это ещё Эйнштейн понял и взял на вооружение, иначе не получалось у него. Только на картинках его пространство вовсе не десяти-мерное, а во-все двух-мерное, плоскость, попросту говоря, он ведь и для примера брал, скажем, бильярдный стол... Смешно? И значит, пространство прогибается, изгибается, прямо как лист Мёбиуса, а ведь система пространств образовывается в любой пространственной системе координат, а это такая штука, что её можно построить в любой точке пространства, особенно в квантовой физике, и получается, что пространства любой системы координат, а их бесконечное множество, изгибаясь и прогибаясь образуют такие лабиринты в десяти измерениях, что человек вполне может встретить самого себя со спины, и даже изнутри... А учитывая, что квантовая физика существует только строго в нефиксируемом состоянии, то есть, когда ты её хочешь измерить, она исчезает... может быть в какой-то системе координат, где нас нет, а будем мы

там только, например, через десять тысяч лет ..., а это в свою очередь означает, что и меня и тебя в любом виде, хоть выпотрошенном, хоть вывернутом в девятом измерении, может быть бесконечное количество дублей, и главное тут тебя не принять за меня и наоборот...

Кто-то тряс его за плечо, легонько хлопал по щекам, тербил за нос, и Матвей, с трудом сконцентрировавшись, разлепил веки и увидел склонившегося Герасима, или Георгия? В каком измерении? Потом он увидел перед глазами кружку с напитком :

– Выпей, может быть горячим, ничего страшного, не ошпаришься. Только залпом выпей, а потом поспать тебе надо будет... Я тебя укрою поплотнее, чтобы пропотел, болезнь и выгонит...

– В какой системе координат? А ты здесь?...

– Понятно, друг. Все мы здесь, как огурчики. Ну, давай, пей. Сразу, залпом... И спи. Крепко спи...

Жар пролился внутрь тела, расползаясь по конечностям, зажегся в голове, в желудке. Стало совсем хорошо, Матвей ещё хотел спросить про кванты, которые исчезают, когда на них смотришь, а потом его несло какими-то пространственными уликами и спиралями, бросало по измерениям и кротовым норам, и он удивлялся, как раньше люди не знали всего этого, ведь это начальное, элементарное знание...

– «Не существует ничего, кроме атомов и пустоты; все остальное – лишь мнение.» – Демокрит из Абдер.

– Ты подумай только, бабуська, чего они наворотили! Вот послушай и вникни: – «Спаси, не сохраняй. Интернету грозит уничтожение. Он может развалиться на куски :

Глобальный интернет может распасться на куски, и жители каждой страны будут обитать в своей части сети, говорится в докладе Всемирного экономического форума об угрозах мирового масштаба. В скорой кончине сети в ее привычном виде винят хакеров, которых по уровню могущества сравнили с крупнейшими природными катаклизмами. Будет хуже.

Хакеров официально назвали самыми могущественными и опасными людьми на земле: кибератаки признаны третьей по уровню опасности угрозой человечеству после стихийных бедствий и глобального потепления. Об этом заявили эксперты Всемирного экономического форума в Женеве.»

Это что-же творится? Ты понимаешь, в чём нонсенс? Со стихийными бедствиями и метеоритными атаками человечеству не справиться – не дано. Ладно и понятно, это стихия, силы природы, нам неподвластные и даже в принципе непознаваемые, с ихним смыслом и причинами. Но ведь здесь просто группка людей. Хакеры! По-простому говоря, хулиганы, программисты самодельные, возомнившие себя стоящими над законом! Хотя законы сейчас, прости Господи, насмешка над логикой и здравомыслием. Я говорю, за-

коны сейчас сочиняют тоже неучи с купленными дипломами, а? И законы эти, тоже алогичные и предназначенные для неопределённой природы стада, за какое нас и считают сидящие в креслах законодательного собрания чинуши, знать не wanting ни о правах человека, ни о постулатах юрисдикции...

Хозяйка Прасковья Антоновна, рыхлая, но симпатичная миниатюрная женщина, сидела в кресле, напротив телевизора и пыталась смотреть один из бесконечных сериалов непонятно про что, с героинями, будто сбежавшими из Голливуда, но не имеющими понятия о законах нанесения макияжа, держащими вилку левой рукой, зажав в кулаке, и чуть не протыкающих ею раритетный фарфор из коллекций Русского музея. На гневное сообщение мужа, Парфёна Сергеевича, она отреагировала презрительным фырканьем и усталым вздохом. Будучи в хорошем настроении, она называла его Парфеноном, или Парфяшей, а он её Персефой, хотя оба не имели к упомянутым названиям никакого отношения, и не только внешне.

– Тебя эти хакеры-квакеры каким боком достали? Взломали твои секретные коды и увели со счетов двадцать восемь рублей? Или ты в тайны Сороса посвящён? Ты-бы лучше о дурище нашей голову ломал, девке совсем никуда, поговорил-бы по знакомым, может, к нормальному делу её определить где? Ведь зачахнет в своих букинистических подвалах, куда не то, что принцы современные, не всякий и бота-

ник забредёт – ботаники сейчас по интернетам сидят...

Парфенон отмахнулся от проблем «дурищи» – родной дочери Варвары Парфёновны, которой с недавних времён стукнуло уже тридцать пять годков... Не до того ему было в сей момент, не до житейских проблем!

– Не хочешь ты думать глобально, но отринь суету, посмотри объективно: группка анонимных хулиганов, пользующихся безнаказанностью и попустительством, как я подозреваю, не безосновательными, а подкреплёнными чьим-то недосмотром, может быть заинтересованным! И всемирная сеть тайных, всемогущих государственных служб безопасности не в силах разобраться с этими анархистами, самодельными программистами? Не верю! Такое по всем правилам логики возможно только со скрытого и меркантильного попустительства правительств. Дело в том, что правительствам выгодно держать визави в страхе и убеждении, что начнётся с них, а не с нас – так думает КАЖДОЕ правительство! И паника эта нагнетается сознательно!

– Что начнётся-то? Паника на бирже? Они этих паник по заказу каждый квартал стряпают по пять штук!

Дед Парфенон сидел в плоском кресле на деревянных ножках, потёртом и неопределённого красного цвета, оставшемся от «счастливых времён», когда он ещё работал в управлении статистикой, на сберкнижке у него лежало две тысячи рублей (половина машины!), и этих денег, как он с умилением воображал, ему хватит на безбедную пенсион-

ную жизнь. «Дурёхе» тогда было ещё до школы далеко (поздний ребёнок!), Персефона ещё не была Персефой, а была строгой «бизнес-вумен», работала проектировщиком в проектно-институте от Министерства обороны, что также гарантировало обеспеченную старость, отличалась строгостью и даже аскетизмом в облике и одежде, типичном для питерских интеллигенток... Господи, да тогда и термина такого не знали – «бизнес-вумен»! Было в этом что-то заграничное и осуждаемое, от диссидентов, серебряного века, Цветаевой и Инбер... А сейчас на худых коленях Парфенона Сергеевича лежал потёртый ноутбук «Asus», и костлявые пальцы двигали по ляжке, обтянутой выцветшими, ветхими джинсами, заезженную «мышь»... На дисплее мелькали те самые «бизнес-вумен», только теперь они были облачены не в офисную униформу, а в какие-то разноцветные тряпочки, еле прикрывающие половую щель и соски бесформенных грудей. Рожи их лоснились от кремов и йогуртов, на лбах была начертана ясно видимая цена в валюте, и в глазах царила небесная бездна и вселенская пустота, испоганенная бозоно-квантовыми флуктуациями. Парфён Сергеевич вздохнул от непонимания ситуации, жалобно посмотрел на Персефону, и та уловила его скорбный взгляд, строго посмотрела, покачала головой :

– Помирать нам надо, Парфёша, лишний элемент мы здесь... Вот дурёху-бы кому пристроить... Тоже ведь не приспособлена к этой жизни... Хотя квартиру ей оставим, так

ведь, с её миропониманием, приведёт хлыща какого, и выбросит он её к свиньям и к чёртовой матери...

Тут они услышали, как прощёлкал ключ в замке входной двери, открылась и закрылась дверь, непродолжительное шуршание дождевика, повешенного на плечики, и в комнату вошла Варвара Красавина, их родная дочь тридцати трёх лет от роду, которую знакомые, а от них и родители частенько называли «Версаче» – по поводу её привычки все модные вещи обзывать этим известным брендом, независимо, обувь то была, верхняя одежда, сумочка, или бижутерия... Так-же она называла книги, журналы, фильмы, всё, что хоть немного задевало её воображение, и привычка эта пошла ещё со школьного бездумного возраста. Старики-родители поначалу пробовали протестовать, ведь воспитывали её с детства в окружении классических идеалов красоты, на картинах средневековья, стихах Петрарки, прозе Жорж Санд, Мопассана и Ивана Бунина. Не удалась дочь, было их решение, хорошо хоть не в нигилисток современных получилась, ранимая, и с понятиями чести и совести, а потому беззащитная от негодяев и прохиндеев. Забеременела в двадцать пять, родители приняли это, как должное, готовились к встрече внуков... Бог не дал... Точнее, вместо ребёнка дал немного мозгов, теперь Варвара обходила стороной компании, где царили непринуждённость и нигилизм полов, на мужчин смотрела настороженно, оценивала не по цветистости комплиментов и рассуждениям об идеализации отно-

шений. Впрочем, она старалась обойтись без ситуаций, где ей пришлось-бы оценивать мужчин, вплотную заинтересовалась работой, и даже стала нужной, авторитетом в специальности, за границей читали и признавали её статьи и рецензии...

– Проголодалась? – спросила Персефона, – я пельмени приготовила. Дождь так и идёт? Что на службе?

Службой именовалась в семье работа Варвары в Публичной библиотеке, где она реставрировала редкие издания начального периода книгопечатания. Работа ей нравилась, она была творческим человеком, специалисты её знали, и даже порой приглашали консультировать международные проекты, прочили ей место в комитете по культурному наследию ЮНЕСКО, но ей было хорошо в подвалах Публички, здесь она могла дышать свободно и не опасаться закулисных интриг...

– Там человек сидит, – сказала она, подойдя к окну и выглядывая во двор из-за шторы, – Снег с дождём, а он в кожаной курточке сидит на ограде садика, не шевелится. Это странно. Я не хочу есть, потом, может быть.

– Что за человек? Пьяный, из бродяг, наверное?

– Человек, не старый, я лица не увидела, но выглядит прилично. Конечно, может быть и пьяный... Только почему он не шевелится, заснул? Как можно заснуть при таком холоде? Свалился-бы на землю.

– Ну, ладно, человек и человек, у каждого своё, тебе –

что? Посидит и уйдёт.

– Может быть, – с сомнением сказала Варвара, прошла в свою комнату.

– Вот тоже, – осуждающе проговорила Персефона. – Человек! Под дождём. Будет-ли нормальный человек в чужом дворе под дождём сидеть?

Окно в комнате Варвары выходило на набережную Обводного канала. Тёмная лента воды была испещрена оспинами дождевых капель, плыл по воде какой-то мусор; бумажные стаканчики, пластиковые бутылки, рваные пакеты... Через стекло ощущался промозглый холод сырого воздуха. Человек во дворе не выходил из её головы, и ей самой было странно, почему она думает о нём. Думает? Нет, никаких мыслей или чётких эмоций не было, только беспокойство и картинка мокрого двора с чёрными, изломанными стволами деревьев, тусклые лужи на дорожках, да озябшая, ссутулившаяся фигура в сером свете уходящего дня... Пожалуй, она испытывала чувство неуютности, как будто была на ней какая-то вина, но какая – она не понимала. То, что она дома, здесь сухо и тепло, это ведь не означало, что она должна за это кому-то и что-то, у каждого своё место в мире, и каждый занимает его по праву жизни. Но разве это по человечески, вот так, одному, сидеть под дождём? Ведь для этого должна быть причина, какие-то обстоятельства, обрекающие человека на одиночество и ненужность. Она почему-то подумала именно о ненужности, хотя для этого у неё не было никаких

оснований. Но почему, почему её так зацепил этот человек во дворе, должно было что-то быть в её душе, что откликнулось на одинокую, неприкаянную фигуру под дождём... Конечно, она вспомнила... Вот так-же восемь лет назад и она сидела во дворе, на скамейке у парадной, не зная, нужно-ли идти домой, нужна-ли она там, и как её встретят с неожиданной вестью. Тогда она узнала, что ей предстоит стать матерью, срок был небольшой, но её организм исключал возможность аборта, да ей это и в голову не приходило, убить человека, который там, внутри неё ждал своего часа, чтобы явиться в свет. Вот только как это всё объяснить родителям, как донести то чувство отчаяния, когда она слышала в трубке телефона :

– Это меня совершенно не касается... Зря ты позвонила, я не имею к этому никакого отношения, доказать ты ничего не сможешь, только испортишь мне и себе жизнь. Тебе нужны проблемы? Ведь нет? Подумай о карьере, она у тебя есть, и не надо всё ломать. Лучше тебе вообще забыть мой номер...

Вот тогда у неё появилось это гадкое чувство ненужности. Мир вокруг стоял немой, холодной, безразличной стеной, и не достучаться через эту стену... Она тогда долго сидела, отупев от безнадёжности, и очнулась только тогда, когда вдруг впервые остро осознала – в ней живёт человек! За которого она полностью в ответе, и мир здесь ни при чём, это их дело, только их двоих, и он, этот ещё несформиро-

вавшийся человек, он во всём зависит от неё, от её поступков, от её решений, от её мыслей, которые он, конечно, может ощущать. И он не должен испытывать чувства ненужности, безразличия, и холода мира. Потом из парадной вышла мать, встала перед ней, в сумерках вглядывалась в лицо, ничего не говорила, и Варя смотрела в ответ гордо и с вызовом, и мать всё поняла, смирилась, видимо ждала этого, сказала только :

– Чего здесь высиживать? Дома нет, что-ли? Простудиться не хватает...

Тогда это чувство ненужности и непричастности к мирским делам и заботам у неё быстро прошло, отец воспринял новость с восторгом, сразу начал развивать такие идиотские восторженные планы о рыбалке на Вуоксе с внуком (!), как они будут ездить за грибами на Мшинскую, и Персефону уже прозвал бабкой, и она окоротила его, что на Мшинскую за грибами ездят только неадекватные дебилы, а ездить надо на Омельченко, только там идти далеко, за полигон... А потом и коллеги прознали, хотя видно ещё ничего не было...

Дальше Версаче вспоминать не стала, потому что дальше начиналось страшное и ирреальное, выпадающее из картины логического мира, все цепочки и связи порвались, и воцарился абсурд... Она тогда увлекалась Сартром и Камю, и чуть не ушла, совсем, туда, откуда всё кажется простым и не требующим смысла. Она передёрнула зябко плечами,

накинула волосатый платок и прошла в зал, встала перед Парфеноном :

– Папа, хватит в инете ковыряться, пальцы уже стёр. Спустиись во двор...

Парфенон Сергеевич понял, о чём она просит, не стал ехидничать по своему обыкновению, подумал, пожал плечами, отложил ноутбук, прошаркал в прихожку, долго попадал ногами в резиновые боты... Варвара прошла на кухню, поставила миску с уже остывшими пельменями в микроволновку, зажгла газ, налила полный чайник воды.

Во дворе дождь продолжал нудно лить, только теперь это была смесь со снегом, по земле разливалась мерзко выглядывшая каша, на возвышениях снег лежал уже белой бахромой, казалось, что завтра придёт нормальная питерская зима, с морозом по ночам, в утренних клубах тумана, порывы ветра будут бросать пригоршни воды, и ветви протянутся к земле под тяжестью сосулек. Человек не шевелясь сидел на трубчатой ограде детской площадки, на спине и на плечах куртки лежал тонкий слой снега. Парфён Сергеевич приблизился в сомнении, наклонился – человек дышал и мелко трясся, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

– Уважаемый! Слышишь? Не годится так, замёрзнешь ведь? Не хочешь домой пойти? ... или где ты там живёшь... Ты пьяный, поди? Всё-равно домой надо...

Глаза человека вдруг открылись, он повернул голову, отыскивая источник голоса, разглядел неясную фигуру.

– Я не знаю... где я... кто я... не помню, где-то здесь собачка Дарья... я не помню... и я – не пьяный...

Человек вызывал доверие и сочувствие, ему нужна была помощь... И Парфенон заколебался, кто он такой, этот приبلудный незнакомец? Ищут его, или, может, приезжий? Бывают случаи, пропадают люди, память теряют, сами теряются... В большом городе затеряться не проблема. И за такими охотятся...

– Слушай... те, уважаемый, вам не помешает кружка горячего чая... Честное слово, не думайте, что я охотник за чужим добром, вас случайно увидели... мои домашние, говорят, похоже, не ладно с человеком... я от чистого сердца... Пойдёмте, мы в этом парадном живём, согреемся, а потом по делам своим отправитесь... если в силах будете... и вспомните, может быть, историю свою.

Человек, видно было, что не понял слов, но интонацию уловил, сделал попытку подняться, чуть не упал, ухватился за рукав самаритянина, встал, покачиваясь, видно было, что он не соображает, что должен делать дальше, и Парфён Сергеевич под локоть повёл его к дверям, потом, с передышкой, почти волоком втащил на второй этаж, отворил дверь, где Персефона уже ждала, снедаемая любопытством, а издали, между штор выглядывала Варвара. Бабка сразу засуетилась, но молча, без трескотни, стащила с прищельца куртку, повесила на плечики, чтобы просохла, человека разули, вставили в ботинки сушилки, провели на кухню, усадили в вен-

ское, плетёное из лозы полукресло, накинули на плечи плед. Гость только переводил взгляд по предметам, делал попытки улыбнуться, кивнул, когда ему в руку вставили кружку с чаем и подвинули розетку с малиновым вареньем. Варвара это время стояла в дверях, молчала, как-то пытливо вглядывалась в лицо человека, будто пыталась понять, что скрывается за высоким лбом. Её немного насмешили торчащие уши, и свежий розовый шрам на виске заставил нахмурить тонкие брови.

– Как ты так-то, уважаемый? Это-же нехорошо, так-то, промёрз, да и болеешь, видно? Разве можно в таком состоянии по дождю? Сидеть надо дома в такую погоду, рядом с женой...

– Женой? – спросил вдруг гость и остановил сосредоточенный взгляд на носу Парфенона. – У меня есть жена? Где она?

– Дома, надо знать. Так и расскажи нам, поделись? Поругались, небось?

– Я не помню, – растеряно сказал человек. – Не помню ничего. Кто я? Какая жена? Не знаю... Я помню только человека, Георгий, кажется, и собачка его, лохматая такая – Дарья... Но это уже сейчас. А раньше, до того... Долго ехал на автобусе, потом... опять на автобусе... С Чёрной речки, там ничего знакомого, места знаю, но всё так изменилось... Балтийский вокзал хорошо помню... Здесь и с Георгием познакомился, он хороший человек, но... пропал. Куда? Про-

сто ушёл, я ждал-ждал, потом сижу здесь... А лекарства, в кармане, Гера купил, я забыл про них... в куртке... я заболел немного...

Варвара поспешно исчезла, скоро вернулась, положила на стол упаковки, коробочку, присела на стул в углу, у окна. Прасковья Антоновна придирчиво, строго посмотрела снабдь, одобрительно покивала, быстро приготовила питьё, освободила несколько таблеток :

– Выпей, твой Гера молодец, купил то, что нужно. Вот тебе сейчас в ванной согреться, и под одеялом пропотеть... Имя-то у тебя есть, или тоже?...

– Имя... кажется Матвей, я так думаю, что-то вспоминается...

Матвей ещё помнил, как дед Парфенон помогал ему раздеваться в ванной, потом Варвара пенной губкой водила по его спине, плечам, и, кажется, плакала. Он ещё удивился этому, ведь он не давал для этого повода, но она плакала над своим нерождённым ребёнком... таким-же беспомощным и незащищённым перед этим миром, как и вот этот незнакомый, больной человек...

– Звали его Шурка, и Шурка любил Аллу. Ну, любил, как мог, старался... И она, значит, родила ему сына. Всё хорошо было, вот только когда через пару лет Шурка заговорил о втором ребенке, Алла наотрез отказалась. Он-то принял ее решение, без всяких задних мыслей, ей виднее... женщине-то, может менопауза, настроение не то, планы какие-то, мало-ли...

Пару лет назад он уволился с работы и стал вполне самостоятельно себе зарабатывать в интернете. Купил мощный компьютер, а сыну и жене по ноутбуку. Ведь им тоже нужно личное пространство, рассудил Шурка. Жена работала, но он даже не был бы против, чтобы она только дома занималась, денег, как ему казалось, хватало, с их потребностями...

Незнакомый женский голос доносился из пространства откуда-то рядом, был он тих и печален, похож на мысли вслух о чём-то потаённом и фатальном, будто перед казнью исповедовались, не перед человеком, а перед ликом, которому такие исповеди выслушивать вечность, и все они равноценны и инертны, не для мотивации действий, а так, для статистики, регистрации и учёта. И от голоса этого Матвею стало казаться, что он существует в неведомом inferнальном пространстве, бестелесный, безличностный, не способный ни на анализ, ни на эмоции, только приём информации,

и он не понимал, зачем он это слышит, и с какой целью его заставляют это слушать, хотя голос ему нравился, уютный такой...

Постепенно до него дошло, что лежит он на мягком и тёплом, укрытый толстым лёгким одеялом, полностью раздетый, и в голове кроме голоса неизвестного рассказчика разлит ровный давящий гул. Сквозь закрытые веки розово мерцал приглушённый свет, и издали доносился ещё какой-то мужской голос, раздражённый и скрипучий, без различимых слов, и иногда ему отвечал спокойный женский, рассудительный и ироничный. А рассказ о неведомых персонажах продолжался :

– Последнее время Алла всё чаще погружалась в задумчивость, стала рассеянная и забывчивая. Шурка уже стал надеяться – без всякой на то причины, что она все же решилась родить ему еще одного ребенка, но в душу любимой не лез. Захочет – сама расскажет.

Как-то Шурке нужно было срочно сдать проект заказчику. Сел он за компьютер, включил, но машинка загружаться начисто отказалась.

– «Процессор накрылся» – мрачно решил Шурка. Немного подумав, он решил взять ноутбук жены, которая где-то отсутствовала, может быть, на работе...

Быстро открыв свою почту, Шурка начал работать. У жены был открыт скайп, и Шурка не обратил на это внимание, пока поперек экрана не развернулось сообщение: «Привет,

Зая, что решила с Новым Годом? Где встречаемся?».

Шурка сначала подумал, что мало ли кто-то шутит, или ошибка какая. Он сообщение закрыл и продолжал работу. Но ему снова помешали: «Эй, ты чего молчишь? Твой плешистый кот, зовущийся Победителем, рядом что-ли?».

Шурка снова закрыл сообщение, отправил работу заказчику и развернул скайп жены полностью. Отвечать он ничего не стал, а переписку прочел от самого начала.

...Алла вернулась с работы поздно вечером. Муж ждал ее в коридоре, рядом с ним стояли два чемодана.

– Это твои вещи. Уходи куда хочешь. Квартира моя, ты тут даже не прописана, я подаю на развод. И давай без истерик.

Алла ничего не поняла, попробовала выяснить, что случилось, но Шурка молча подал ей ноутбук, многозначительно посмотрел.

Алла, наконец, догадалась... Она кричала, что он не имел права лазить в ее переписке, и вообще она этого мужчину пока и не видела. Просто познакомилась в сети. И да, хотела встретиться с ним 31 числа, где-нибудь в кафешке, пообщаться. И что тут такого страшного? Шурка все время работает, а она живой человек, ей тоже отдых нужен. Хоть такой. И даже если-бы она ему изменила – подумаешь, с него не убудет, всё-равно монаха изображает! И ещё кучу гадостей и ехидностей. Шурка ее выслушал, сказал, что все понял и осознал, вот вещи, вон дверь – Алла свободна.

Она заплакала, попыталась поговорить с сыном, но тот сказал, что с ней никуда не пойдёт, ему и дома с отцом неплохо, а она пусть делает, что хочет. И Алла ушла. Утром Шурке звонила теща, говорила что им надо поговорить, нельзя же так рубить с плеча. Ведь ничего не случилось – ну, подумаешь, пообщалась с каким-то мужиком в интернете, не страшно. А у них ведь семья, ребенок – ну, дура она, так будь умнее, прости идиотку!

Алла пробовала прийти к ним на Новый Год, но дверь ей не открыли. А через месяц был развод...

– Ты кто? – вдруг спросил Матвей, с трудом разлепив веки. Он лежал на диванчике, укрытый верблюжьим одеялом, комната была маленькая, похожая на рабочий кабинет гуманитария, книжные шкафы, компьютерный стол, напольный светильник, стилизованный под напольную лампу гусарских времён. В кресле рядом сидела женщина, одетая в длинную клетчатую юбку и серый свитер крупной вязки. Волосы тонкие, растрёпанные, но оставляющие впечатление собранности, причёски сейчас такие? И почему его это удивляет? Он в монастыре жил? У женщины были длинные тонкие, испачканные плохо отмытыми, фиолетовыми пятнами пальцы, которыми она теребила мочку уха, чётко очерченный профиль с крупноватым носом, глубоко посаженные, большие глаза за гигантскими очками. Она не увидела, как он открыл глаза, и его вопрос заставил её вздрогнуть. Она неуверенно улыбнулась.

– Проснулся... Я Варвара... Многие называют меня Версаче, это у них шутка такая... Ты сильно болеешь... Я здесь живу, с родителями... Может, ты есть хочешь? Тебе, наверное, поесть надо, или... в туалет? Здесь есть утка...

– Спасибо, я, кажется, ходить могу... Как... я здесь очутился?

– Мы тебя... пригласили. Ты сидел во дворе, под дождём. Нам показалось, что тебе нужна помощь... А как ты туда попал? Да, ты-же ничего не помнишь... Это так... необычно, я раньше не встречала людей, забывших всё... И у тебя шрам на виске... От этого может быть амнезия, это может и пройти, и ты всё вспомнишь...

– Похоже, вы хорошие люди. Но ты что-то там рассказывала интересное?

– Да, в интернете много разных историй, знаешь, люди делятся своими сложными ситуациями, а психологи комментируют... Мне интересно, – она запнулась, украдкой глянула на его реакцию. – Не думай, я не из тех, кто любит ковыряться в чужом белье... Но часто хочется помочь таким людям, они запутались... А я... я сама...

– Не волнуйся. Всё это интересно, и здесь нет ничего плохого, – он понял, что в её жизни была трагедия, от которой она долго не могла оправиться. А может быть и сейчас под стрессом ... – Если хочешь, доскажи историю, что там у твоего знакомого в результате случилось?

– Да? Тебе интересно? Только это совсем незнакомый че-

ловек, но ему можно написать, если хочется... А Алла живет у родителей, сын общаться с матерью не хочет, бывший муж тоже не имеет на то желания, хотя Алла регулярно пробует помириться с ним. Правда, всем знакомым и друзьям Алла говорит, что это она развелась с Шуркой. А все потому, что муж – козел! Аллу игнорировал полностью. Мол, весь в своем интернете. Ни в кафе, ни в театр, представляешь, ни погулять вместе! И только из-за этого и решила она уйти, поискать счастье в другом месте пока не поздно. Люди такие дураки бывают!

Шурка-же на все вопросы разводит руками, улыбается и говорит, что какая разница, из-за чего – разошлись и разошлись. Сын почти взрослый уже – сам решает, как к матери относиться... Вот вроде всё просто и однозначно... А мне кажется, что в таких случаях вина должна пополам делиться, поровну на двоих. Не должно быть поводов у женщины так поступать, а ведь повод исходит от мужчины?... Ну не нравится чего-то, можно просто поговорить откровенно и решить вопрос однозначно... А ты как думаешь, Матвей?... Я тебя не заговорила? Тебе, может быть, чего-то надо? Ты ещё спать будешь? Подожди, я у мамы спрошу, тебе лекарство когда принимать...

– Не исчезайте, – проговорил Матвей, но она не услышала, порывисто спрыгнула с кресла и, тонкая и стремительная, скрылась за дверной шторой...

А он остался один. Странная женщина. И рассказик её

странный. Она похожа на интеллектуального человека, книжек вон как много, серьёзных, это видно по переплётам, академическим, коленкорovým, не легкомысленным, современным, для привлечения досужего любопытства..., хотя, может быть, это библиотека отца её... Но интеллект по большей части передаётся, не может у умных родителей ребёнок полным идиотом быть. Тогда зачем эта банальная история, вычитанная в интернете? Но она выбрала её, что-то в ней было, важное для неё, что цепляло, было наполнено особым смыслом... Похоже, что она увидела в ней какие-то смыслы, касающиеся её жизни, отвечающие сокровенному, о чём думают, затаив дыхание... Она одиночка, и это тяготит её? Это похоже на правду. В таком возрасте это ненормально, если нет основательной причины, но какие могут быть у красивого, умного человека причины жить в одиночестве? Судя по тому, что её родители приютили чужого, незнакомого человека, тронутые его бедственным положением, дело не в противостоянии каким-то патриархальным установкам, у таких людей в семье взаимопонимание и дружба. Значит, дело в ней самой, что-то служит ей тормозящим стимулом, обычно это связано с горьким опытом, чем-то обжигающим, заставляющим стонать во сне, и просыпаться по утрам с новой дозой отвращения и неприятия... И это чувство относится к одному конкретному человеку, которое она не распространила на всех представителей огульно, и это показывает её здравомыслие... Но почему она в таком случае одна?

Бойтсся нового разочарования? Новой боли, и уже окончательной потери веры в высший смысл человеческой расы... Конечно, это уже он взял слишком высоко, но люди постоянно ставят свои проблемы в центр мироздания... Особенно когда им больно, и боль эта не может быть забыта, как неизлечимая раковая опухоль, от которой нельзя отвернуться, притерпевшись...

– Смотри, как живуч род тварей нерождённых, я думал, они все там остались, в прошлом коммунистическом, а они ещё процветают! – говорил тем временем Парфенон супруге, как обычно бегая тонкими пальцами по «клаве» ноутбука...

– Ты, дед, осторожнее с языком-то, – осуждающе отвечала Персефона, слепливая какие-то необыкновенные пирожки с ливером, яйцом и луком. – Люди неправильно поймут, кого ты там костеришь, – она мельком обернулась и увидела входившую на кухню дочь. – Про что ты там говоришь, кто это у тебя живучий-нерождённый? Прямо как в сериале про чудиков этих, зомби...

– Нет! Не те зомби, но тоже без разума. Я про ваш пол говорю, из депутатских. Борются за духовность в семье, без плотских утех! Кто-бы мне объяснил, как эти сами твари на свет Божий объявились? Из душевных разговоров? Или этим, партийногенезом? Конечно, может они средневековые гомункулы, из помойного ведра самостийно зародились? Так какого чёрта им духовность понадобилась? А я вот что тебе скажу, что-то непонятное в мире происходит в послед-

нее время, не апокалипсис, как дураки предсказуют, но что-то сравнимое. Посмотри, все, как с ума посходили: морпехи американские погрузились на авианосцы свои и умотали на родину, бандиты сирийские выходят на люди, бросают оружие, а Корея так вообще с дуру утилизировала свою бомбу? ... А наш ВПК объявил о банкротстве корпорации оружейной? Это что? Вирус какой?

– Чего хотела, Варя? Как там гость наш?

– Проснулся гость, Матвей... Таблетки ему когда пить? Поест-бы ему надо... Слаб очень.

– Ничего не говорит о себе? Ничего не вспомнил?

– Нет, по прежнему. Но видно, что человек образованный, культурный.

– Культура не от образования, это врождённое, с генами передаётся, – Парфенон, сам того не зная, повторил мысль Матвея, но считал это своим жизненным опытом. – Отдохнуть ему надо, раз болеет. Пусть лежит, включи ему телевизор, хотя с нашими шоу-каналами ещё больше заболеешь, а то и умом поедешь...

– Вот, возьми здесь в коробке две таблетки, и порошок разведи, – показала рукой, измазанной тестом Персефона. – Пусть выпьет, и пирожки скоро готовы будут, позавтракаем... А культуру, есть она, или отсутствует, по речи видно. Тебя вот послушать, Парфёша, так ты держимордой уродился, и может даже прапорщиком помрёшь.

– Ненавижу я это фарисейство, – продолжал дед, глядя

вслед ушедшей Варвары. — То они копыя ломают из-за фильма дурацкого, то-ли рекламу ему делают, респект создают, то-ли деньги отрабатывают, а я смотрел тот фильм, чепуха на постном масле и копий тех сломанных не стоит. Вот скажи мне, Параскева, неужели в молодости нашей все такими-же дураками были, только честно, без этих соплей ностальгических? Было такое?

Бабка искоса глянула, не смеётся-ли он, нет, смотрел с любопытством, ожидаячи.

— Ну, чего придуряешься, дед? Сам ведь знаешь, или тоже память отшибло. И похуже было! Шестидесятников не помнишь? Сколько людей загнали, диссидентов тех драных, тоже, придумали пугало! А ведь людишки были самые безобидные, это-ж в русской натуре властей костерить, по кухням бормотуху пить и закусывать килькой да критикой. Сколько писательского народа вырубili под корень? Кого запугали, кого званиями купили. А кого и в бедлам отправили? И ведь настоящие писатели были, не алкаши Довлатовы, да Лимоновы, помнишь Зиновия? Ты-ж с ним за ручку здоровкался...

— Да, совсем пацаном был... Это человек! Истинный интеллигент русский, хоть и еврей, конечно, но это погоду не делает. Это властям всегда вкусный кусок в горло был — враги внешние и внутренние, а как без них? На кого жизнь нашу долбанную списывать? Без виноватых нельзя... И Сталин тем-же занимался... А сейчас всё дозволено, за что за-

плачено... Вот гляди, как они выражаются, писаки подзаборные: – «На улице метель, довольно прохладно – самое то, чтобы зайти и выпить ирландский кофе. Его достаточно сложно найти, но раз уж был на Лиговском, то завернул в один лофтпроект.» Каково? **ИРЛАНДСКИЙ КОФЕ!** Так понимаю, выращенный в пригороде Белфаста, бразильский и рядом не валялся! А «завернул в лофтпроект»... Завернуть можно в газету, завернуть за поворот, как выглядит завернуть в лофт-проект, не знаю. Потому что не знаю, какой проект обозначают нерусским словом «лофт», и можно вообще в него что-то завернуть...

– Слушай, Парфён, а ты как думаешь, вот эта убогость слова, она от скудоумия, или обусловлена рационализмом?

– Что ты подразумеваешь под рационализмом? От слова «разум»? – подозрительно спросил Парфенон.

– Нет, от понятия рационализации всего и вся...

– В природе такого понятия нет, это пустой звук. Рационализируя мышление, мы низводим его к обезьяньим рефлексам, в этом смысле сегодняшняя литература недалеко ушла от звериных звуков и органично соединяет в себе рационализм, происходящий от скудоумия.

– Ты утрируешь и отделяешься пустыми формулами...

– А если и так? Что можно сказать о том, чего нет? Абсурд, нонсенс!...

Варвара быстро и бесшумно вошла в комнату и остановилась у шторы – первое, что сразу бросилось ей в глаза, это пу-

стой диван, и было это настолько невозможно и дико, что она прижала ладонь ко рту и затаила дыхание. И только потом увидела гостя – обнажённый, Матвей стоял за компьютерным креслом у книжного шкафа и увлечённо разглядывал книжные корешки, не услышав прихода хозяйки. А Варвара смотрела на его фигуру, не зная, что делать, и краска заливала её лицо, пока оно не начало гореть. Конечно, она не была маленькой, неискушённой девочкой, любила Русский музей и Эрмитаж, где откровенно любовалась мужской натурой фламандцев и англичан, перед статуей Давида она чувствовала себя спокойно, умиротворённо и надёжно. Только вот мужчины на картинах не были из жизни, принадлежали миру фантазии, придуманному, а потому нереальному, изменчивому и эфемерному... В своей жизни она видела обнажённого мужчину только раз, лежащим в кровати, и ничего, кроме отвращения, это воспоминание у неё не вызывало... Но фигура Матвея – чего уже от себя скрывать – его тело не рождало чувства неприятия. Его нельзя было назвать атлетом, или просто спортсменом, но это было пропорциональное, гармонично сложенное тело, оно возбуждало эстетическое удовлетворение... а может быть не только эстетическое... Что её удивило в себе; не было острого чувства отвращения, которое у неё появлялось с определённого времени при виде голого мужского тела, не как произведения искусства, но в рекламе, фильмах – ЖИВОГО тела. Нет, сейчас, при виде Матвея, присутствовало если не удовольствие,

то осознание того факта, что это зрелище может быть констатацией красоты, эстетического удовольствия, почти как при виде произведения живописи или скульптуры...

Внезапно ей стало до боли стыдно и страшно. Чего она испугалась? Что её застанут за постыдным занятием – подглядыванием за женщиной, тем более раздетым? И это, конечно... Но ещё, в голове её вдруг раздался голос, и она испуганно отступила за штору, испугавшись, что голос этот может принадлежать отцу, решившему заглянуть к гостю... Это был голос абсолютно бесцветный, ровный, он спросил, но и вопросом это было нельзя назвать, полу-утверждение, полу-насмешка?

– Грешим? Или с чистыми помыслами? «...В избежание блуда, каждый имей свою жену и каждая имей своего мужа...» Это заповедь Божья, для творений Его...

Она вздрогнула, хотела ответить – кому? – сдержалась, только в мыслях не то проговорила, не то прочитала молитву :

– Нет, Господи, чиста я мыслями и не замышляла блуда... И впредь буду осторожна от искушений Твоих... или Дьявола?

– Нет здесь искушения, если чиста ты в помыслах твоих, и Бог дал людям любовь, которая не есть блуд, если чиста душою...

Варвара потрясла головой, что с ней происходит? Неужели вид голого мужчины так вскружил ей голову? Или ей

шестнадцать лет? Закрыв глаза, она снова увидела, как он стоит вполоборота к ней, глаза её опустились ниже, туда, где... Она снова потрясла головой – нет! – в самом деле, какая чушь лезет в голову... Собравшись, она легонько, костяшками пальцев постучала по косяку двери, выждала, чтобы дать Матвею время, и осторожно выглянула из-за шторы :
– Я войду, Матвей?

Он успел укрыться одеялом и спокойно смотрел, как она подходит, чуть улыбался, но с напряжением, болела голова, и жар волнами пробегал по телу... Варвара присела на край кресла, смущённо опустила глаза, но тут-же одёрнула себя – да что с ней происходит!, тут он и догадается, что она наблюдала за ним! И она уже смело ответила на его взгляд, улыбнулась :

– Хорошо выглядишь... А мама пирожки жарит, скоро завтракать будем, вы какие любишь, мне жареные нравятся, я не люблю печёные, они сухие и с корочкой ... – она поймала себя на том, что один раз сказала ему «вы», что было невежливо, но он воспринял это, как должное, и, наоборот поморщился, услышав официальное «вы» – она прекрасно это поняла, и ей вдруг захотелось перейти на «ты», но уже не официально, а ближе, по дружески...

– Я смотрел ваши книги, там, в шкафу, интересный подбор, многие фамилии я слышал, но в руках держать не приходилось...

– Это папа, в основном, здесь только малая часть, там,

в зале книг много... И я тоже, я в библиотеке работаю, иногда покупаю книги, по «Букинистам» хожу... Недавно собрание Уэллса, восьмитомник Гашека пятьдесят пятого года, представляешь? – опять «ты», и совершенно естественно! – Сейчас люди от старых книг избавляются, академические издания абсолютно спросом не пользуются, а современные, они, конечно, красивые, но аляповатые... Для рекламы, для увеличения продаж, для рейтингов... Попадают, конечно, и интересные авторы, но, в основном, читаешь, вроде и тема интересная, новая, ну, ты понимаешь, в новом прочтении, интерпретации, а читаешь и – пустота... Нет мысли абсолютно... Зато реклама! ... А что рекламируют? Пустоту! ... Ну вот, я тебя совсем заболтала, вот глупая! А пойдём завтракать, и болезнь быстрее пройдёт!

– А пойдём! – весело откликнулся Матвей, и уже выбросил ноги из-под одеяла, но смутился, спрятал их обратно, – Я ведь... без одежды? А где...

– Да я тебя уже видела без одежды, – смеясь сказала Варвара, и, в ответ на удивлённо поднятые брови, пояснила, – Вчера, ты в ванной мылся... Я папе помогала тебя... ты совсем больной был...

– Ну, здорово! Теперь я перед вами чист и открыт! Но всё же... Не пойду-же я на кухню в таком виде... Это уже перебор в использовании гостеприимства. Как у китайцев, знаешь?

– Это ты про то, как они гостю жену свою предлагают

в знак почтения? Да, это перебор, думаю, папа на это не пойдёт...

Матвей уже намеревался ляпнуть, что он и на дочь согласен, но вовремя прикусил язык, хамить он не собирался, тем более тем, кто проявил к нему такое участие...

— А ты мне ещё не рассказала, как я здесь очутился, — голова его вдруг отяжелела, поплыла куда-то, окружающее превратилось в цветные пятна, и он откинулся на подушку, тяжело дыша. Варвара, замерев от неожиданности, смотрела широко открытыми глазами, потом вскочила и побежала за помощью...

– Жизнь потеряла смысл очень давно. Может быть с тех пор, как человека изгнали из Эдема, – это был голос Варвары, и доносился он из области тени, которая скрывала всё за тусклым ореолом света настольной лампы, теперь стоявшей на прикроватной тумбочке в изголовье дивана Матвея. Он хотел было спросить, о чём идёт разговор, но его опередили :

– Возможно, вы правы в утрате смысла, но получается, что в Эдеме этот смысл существовал? Но тогда он определялся Богом, люди жили в единении с Ним, без Него их не было, и, следовательно, смысл жизни человека определялся Богом.

– Вы хотите сказать, что уйдя от Бога, люди перестали верить в жизнь? Они утратили разум?

– Жизнь стала иррациональной, логика ушла, и человек стал противостоять самому себе. Разве вся последующая история не показывает самоуничтожение людской расы? – Матвей не узнавал голос, отвечающий Варваре, но вдруг в круг колеблющегося света вступила маленькая лохматая собачка, с ушами, свисающими до пола, она подошла к дивану, высоко задрала голову и сквозь пряди шерсти внимательно посмотрела в глаза Матвею своими чёрными глазками. Её хвост, по форме напоминающий хвост муравьеда, шевельнулся из стороны в сторону пару раз, и Дарья отошла

из круга света, к невидимому хозяину.

– Ассирия просуществовала почти две тысячи лет, начиная с XXIV века до н. э. и до уничтожения в VII веке до н. э. (около 609 до н. э.) Мидией и Вавилонией. Это была первая величайшая империя древнего времени, ей не было равных в технологиях уничтожения её врагов. Кроме Спарты, может быть. Но вот что недавно нашли археологи на глиняной табличке, в послании губернатора одной из провинций: – «Как я могу командовать?... Все это закончится гибелью. Никто не уцелеет. С меня хватит!» – это был голос Парфенона, сидящего, видимо, в углу, у книжного шкафа, и тоже решившего принять участие в беседе. Матвея удивляло только, как в эту компанию попал Гера, явно принадлежащий к другой социальной прослойке... Впрочем, сейчас всё перемешалось, спутались все связи и приоритеты.

– Кажется, уже тогда реалии жизни не являлись определяющим фактором её смысла, но этот фактор, нам неизвестный, даже входил в противоречие с наполнением жизни, её задачами и планами. Но разве самоуничтожение может быть смыслом, напротив, это абсурд и отсутствие смысла. Разве ценность может быть в отрицании самого ценного, что есть у человека?

– Папа, меня не волнует смысл явления жизни в глобальном смысле!...

– Потому-что его нет, это фикция, рождаемая политиками и философами, состоящими у них на содержании. Сколько

нас кормили дутыми и уродливыми смыслами, лишёнными не только логики, но и целесообразности, отрицающими всё, что дали нам культура и история, что объявлялось вредным и ложным, но вместо этой декларируемой лжи, нам пихали ложь фантазмагорическую, сакральную, вот идиотское слово, которого я не понимаю, когда оно звучит из уст покупных идеологов! Конечно, смысла в существовании человека разумного нет ни капли, и, может быть, только Бог знает ответ на этот вопрос, раз его угораздило затеять эту чехарду?

– Вы-же не хотите сказать, что смысл жизни краснокожих индейцев определялся снятием скальпов Чингачгуками с голов гуронов и сиу? Они сами, я уверен, сказали-бы вам что-то другое. Но что лежит у вас на сердце, Варвара? Что не даёт покоя среди ночи? – спросил Гера, почёсывая за ухом пристроившуюся на его коленях собачку.

– Согласно Камю, иррациональное правит миром, но осознание этого не является поводом для добровольного ухода из жизни. Напротив, принявший абсурдность собственного существования человек становится свободным, он строит свою Вселенную – средоточие новых смыслов, – рассержено ответил Парфенон цитатой из статьи, которую он незадолго до этого обсуждал с Персефоной. – Наверняка, Версаче построила себе новую вселенную, отсюда уход в меланхолию, пессимизм и обструкционизм.

Матвей покосился в сторону голоса Парфенона, не понимая, но предчувствуя цель намёка, как камешек в свой ого-

род. И ему это понравилось.

– Новая вселенная – это хорошо, – промолвил он, собираясь отстаивать своё мнение, если-бы ему стали возражать. – Это означает новый путь, возможно, с учётом и использованием старого жизненного опыта, хотя-бы на уровне рефлексов, это новые уроки и новые знания.

– Со старыми-бы разобраться, – проворчал Парфенон, но Матвея неожиданно что-то отвлекло, неясный звук, органично вписавшийся в атмосферу разговора.

– Вы слышите? Что это может быть? Плачет ребёнок?

– Дети обычно плачут, – брюзгливо заметил Парфенон, и в его голосе прозвучало самодовольство своего собственного жизненного опыта.

– Но это очень маленький ребёнок. Откуда ему здесь взяться?

– Невоплощённые желания могут трансформировать реальность в метафизическую область непознанного, – непонятно вставил Георгий. – Мы живём в мире нами-же нереализованных возможностей.

– То, что я слышу, трудно объяснить непознанным. Непонятным, возможно. Но вы слышали то, что и я?

– Варвара? – спросил Парфенон. – Это вопрос в твою сторону. Ты можешь что-то сказать?

– Зачем? – тускло отозвалась Версаче. – Это то, что даёт силы не принимать прозу жизни и умереть. Человек не может принять невозможное, но оно случается на каждом ша-

гу. Кто-нибудь хочет кофе?

В очертаниях теней почувствовалось движение, Варвара удалилась, видимо, готовить кофе, и Матвей удивился, как они его будут пить, ведь материальное не желает взаимодействовать с миром чувственного, но кроме него никто не высказал недоумения.

– Что вы хотели сказать, говоря о невоплощённых желаниях? – спросил Матвей у Гера. – Это нереальные мечтания, туманные надежды?

Но ответил Парфенон, и ответ его был горек :

– Варвара собиралась родить ребёнка. Вполне реально и обыденно, не так-ли? Самая обыденная вещь. Но осуществиться этому было не дано.

– Я слышал голос души этого ребёнка?

– Нерождённые дети не имеют души, они просто живые существа. А плачет душа нашей Вареньки. Её жизнь закончилась, так решила она сама, и нам с матерью противопоставить этому решению было нечего.

– Но принявший абсурдность этого мира, становится свободным! Как реагировать на эту парадигму?

– Свобода определяется своим отношением к субъекту. И наше право выбирать этот субъект, а порою выбор изначально предопределён.

– Парфён Сергеевич, но как... она живёт с этим? Не похоже, что она ушла от жизни... У неё есть семья – вы, есть работа, которую она любит делать, есть пристрастия...

– Что мы знаем о жизни, Матвей?... Она появляется с нами, и исчезает с нами. Одновременно. И существует в виде неопределённого понятия. А что может стоять понятие? Оно равноценно любому другому, например, – небытие... любовь... «Никакой наблюдатель не может получить или сохранить информацию, достаточную для того, чтобы различить все состояния системы, в которой он находится.» – эту мысль Брюера, впрочем, почёрпнутую у Гёделя, можно простенько выразить так: – «Мы не можем иметь представление о том, частью чего являемся.» И о жизни мы можем судить, только абстрагируясь от неё. Глядя со стороны.

– Я правильно вас понял, что только мёртвые могут правильно судить о жизни?

– Не судить, но дать определение. Только так. Как и о смерти – живые.

– Это нонсенс. Как мы можем рассуждать о смерти, если она находится вне нашего жизненного опыта?

– Да, конечно. Как мужчина не может понять женщину, потерявшую ребёнка. Но здесь всё проще. Надо сначала получить этот опыт, а потом жить с ним. Как женщина, потерявшая ребёнка...

Он был очень болен, случился рецидив, сидение под дождём во дворе, на решётке садика не прошло даром, и он провалился в никуда...

– А вы что-же, в самом деле считаете, что книги пишутся потом и кровью? – доносился изредка до его слуха задири-

стый тенор Парфенона. – О-ШИ-БА-Е-ТЕСЬ, сударь! Я посмотрел-бы на ваш опус, писанный такими чернилами! Не думаю, что это будет труд, более эпический, чем «Сказка о попе и его работнике Балде»!

Ему что-то отвечал задумчивый голос Геры, поминались «Война и мир», «Мёртвые души», почему-то «Мастер и Маргарита» ... потом всё снова уплывало в ничто, в бесконечность. Подошла Варвара с кружкой кофе, с плюшками на подносе, он выпивал микстуру, пару таблеток... Здесь были таблетки!

– Тебе трудно, Варя?

– Почему? Я дружу с родителями, и они меня уважают и стараются понять, а это уже счастье. И я пользуюсь авторитетом на работе... Правда, моя работа не нравится маме, но ведь это не страшно, она привыкнет... когда-нибудь, – что мать «привыкает» к её работе уже семь лет, Варвара не сказала, это было не важно... – Я не про то говорю. Но ты живёшь одна, ... я опять непонятно говорю... ты живёшь одна душой, родители – это другое, у них на груди не заснёшь, ощущая защиту от всего мира... Когда весь мир стоит вкруг, чего-то ожидая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.